

Цинь Чэн лениво лежал на столе, наблюдая за тем, как Цзянь Хэн выбрасывает только что купленную колу в мусорное ведро. Девушка, которая это тоже увидела, прикрыла рот ладошкой и воскликнула:

– Вау!

Да чего это «Вау» стоило? Цзянь Хэн воспользовался колой, чтобы повыпендриваться.

– ... Цзянь Хэн, я тебе говорю, – Цинь Чэн наклонил голову, – мне просто двигаться лень, потому что у меня все болит.

Больше трех юаней. Цинь [Усердный и Бережливый] Чэн почувствовал, как страдает его плоть.

Цзянь Хэн бросил на него взгляд, достал из парты бутылку минеральной воды и поставил на стол Цинь Чэна. Затем он открыл учебник английского языка, тетрадь и начал писать – от этого прилежного выражения лица: «Я учусь, меня не отвлекать» Цинь Чэн растерялся, не зная, куда девать поднятую руку.

Все школьные хулиганы испытывают своего рода почтение к школьным тиранам. Подсознательно они признают их превосходство в вопросах учебы. Школьные тираны, как правило, не любят, когда им мешают, в особенности, когда те занимаются.

Логика рассуждений была такова: хотя сам я не учусь, я не буду мешать школьному тирану учиться. Школьные тираны ценят таких как я, у меня все еще есть хорошие качества. Хулиганы необъяснимым образом находят в школьных тиранах чувство сопричастности.

Цинь-гэ, потерявший свою колу, но получивший минеральную воду и чувство собственной идентичности, плюхнулся обратно на стол. Он схватил куртку Цзянь Хэна, небрежно свернул ее и подложил под себя, как будто собираясь спать.

Звонок в начале урока означал для него отход ко сну. Цинь Чэн спокойно закрыл глаза.

– Тан Ци, – сказал он, – пойді к нему и скажи, что папочка спит. Если он посмеет меня разбудить, я приговорю его к смерти.

Цзянь Хэн его проигнорировал.

Цинь Чэн немного подумал, а затем задремал. Казалось, что с тех пор, как он встретил Цзянь Хэна, у него улучшилось качество сна. Ну, за исключением того случая, когда он стримил до половины третьего ночи, а потом его разбудил Цзянь Хэн, и Цинь Чэн не смог уснуть из-за своего гнева.

Пока Цзянь Хэн был рядом, спал Цинь Чэн очень крепко. Теперь он засыпал за считанные секунды. Неврастения*, бессонница, как и чрезмерная сонливость*, мучившие его много лет, были излечены Цзянь Хэном. Это походило на возрождение чудотворца. Цинь Чэн подумал, что в знак благодарности стоит подарить доктору Цзянь знамя из ивовых листьев...

Учительница английского пребывала сегодня в плохом настроении. Войдя в кабинет, она увидела, как Цинь Чэн спит на столе, словно высокомерный бездельник.

– Цинь Чэн, проснись! – англичанка обрушила на него гнев, подчеркнув это сильным эмоциональным тоном.

Обычно Цинь Чэн спал чутко и мгновенно просыпался в большинстве ситуаций. Но теперь, когда рядом с ним был доктор Цзянь, он отрубился за считанные секунды и даже успел увидеть сон.

В этом сне Цзянь Хэн сплел зеленый венок из ивовых веток и настоял на том, чтобы Цинь Чэн надел его на голову. Во сне Цинь Чэн тоже был серьезно ранен, и ни единого шанса против Цзянь Хэна у него не было. После того, как он неохотно, унизившись, надел венок, Цзянь Хэн холодно его спросил: «Хорошо смотрится?»

«Ты надел мне на голову зеленый венок!* Хорошо смотрится?! Да бл*!!!»

«Если смотрится плохо, зачем ты мне его дал?»

– Цинь Чэн.

Кажется, кто-то его звал. Цинь Чэн попытался открыть глаза, потянул во сне за венок, но сонливость преследовала его, словно тень, а веки, казалось, весили тысячу килограммов.

– Цинь Чэн.

Голос становился все громче, а венок во сне затягивался все сильнее и сильнее. Цинь Чэн потянул его изо всех сил.

– Я дам сдачи, – в новом голосе зазвучала угроза; объяснить это было невозможно. Цинь Чэн снова потянул – хватка на венке оказалась на удивление крепкой.

– Цинь Чэн!!! – резкий женской голос пробил сон и разорвал венок. Цинь Чэн внезапно открыл глаза – он резко проснулся: дыхание участилось, сердце билось в бешеном темпе.

Цинь Чэн уже собирался подняться, но предмет в его руке внезапно зашевелился и он подсознательно вцепился в него.

- Ты собираешься тащить меня к доске? – раздался сбоку голос Цзянь Хэна.

Цинь Чэн вздрогнул, и рука, державшая предмет, сдвинулась с района головы, попав в поле его зрения.

Он, топ-альфа Цинь Чэн, крепко сжал пальцы другого топ-альфы. И сжал так сильно, что у того побелели суставы так, как будто они вот-вот сломаются навечно.

Цзянь Хэн пошевелил пальцами, давая ему знак отпустить.

- Вот блин! – резко воскликнул Цинь Чэн. Он отбросил то, что держал, и энергично потер руки, словно увидел призрака. Только растирая их, он понял, насколько глупо он себя вел и что за ним, походу, в кабинете наблюдают несколько десятков пар глаз.

И среди этих пар были и глаза учительницы английского. Она выглядела сердитой настолько, что вот-вот была готова пыхать огнем.

Цинь Чэн же был абсолютно невосприимчив к взглядам учителей. Он погрузился в недоумение.

Он смог заснуть так быстро и крепко, а во сне он все хватал венки – да уж, венок, в ж*пу его так. Если он сам так был нужен Цзянь Хэну – так пусть позвал бы нормально! Что он эдакое делал – трогал за волосы? Это ужасно – и во сне, и потом...

Эта мысль пугала до дрожи.

- Цинь Чэн, ты что, вообще учиться не желаешь?! – учительница английского так разозлилась, что схватила кусок мела и швырнула в него. Но, возможно, из-за того, что Цинь Чэн слишком далеко сидел, мел совсем сбился с курса и полетел в сторону Цзянь Хэна.

Цинь Чэн резко повернул голову, как раз вовремя, чтобы увидеть, как Цзянь Хэн наклонил голову, чтобы кусок мела пролетел мимо.

О боже, такой бесчувственный – и глазом не моргнет. С эдакой-то харизмой, что ж ты не поймал мел одной рукой и не бросил его обратно, да так, что дыру в доске мог пробить?

Учительница английского несколько стушевалась из-за размазанного по классу мела, но все равно была очень зла. Она подняла стопку бумаг с кафедры, посмотрела на него и сказала:

- Цинь Чэн, из сорока восьми человек в классе ты – единственный, кто сдал чистый лист!

- Эм? - Цинь Чэн выглядел невинно. Его взгляд переместился с Цзянь Хэна на лицо учителя. - Я написал свое имя, - искренне сказал он.

- Ты по-прежнему... - учительница английского наставила на него указательный палец.

- И номера написал, - Цинь Чэн развел руками. Теоретически говоря, чистый лист он не сдал.

Класс взорвался смехом. Тан Ци ущипнул себя за горло и закричал:

- Папочка Цинь просто потрясающий! - и смех стал еще громче.

Как только Цинь Чэн открывал рот, он сразу понимал, прав он или нет.

- Убирайся, - тяжело дыша, сказала учительница английского и указал на дверь. - Цинь Чэн, убирайся! Иди найди своего классного руководителя.

Раньше Цинь Чэн с радостью уходил из класса, как только ему такое говорили, но сейчас все было иначе: период восприимчивости еще не прошел. Если сейчас Цинь Чэн уйдет, то в беде окажется и он сам, и Цзянь Хэн.

- Учитель, я был неправ, - Цинь Чэн встал, шагнул в сторону и искренне посмотрел на нее. - Я буду здесь стоять в качестве наказания, учитель. Я хочу слушать ваш урок. Скоро ежемесячный экзамен - нельзя отлынивать от учебы.

Учительница английского на мгновение здохнулась от шока, а затем, потеряв самообладание, заорала на него:

- ...Да ты вообще когда-нибудь тут учился?!

- С этого момента - начну, - быстро ответил Цинь Чэн. Протянув руку, он быстренько похлопал Цзянь Хэна по плечу.

- Мой сосед по парте - школьный тиран - оказал на меня огромное влияние. Я прозрел и осознал свои ошибки.

- Разворачивайся и убирайся отсюда!

Цинь Чэн взглянул на Цзянь Хэна, но обратился при этом к учительнице:

- Почему вы так упорно стараетесь меня выгнать?

Цинь Чэн всегда очень хорошо относился к своим учителям, потому что мать его учила с детства их уважать. Из-за этого многие педагоги часто забывали, что Цинь Чэн был самым проблемным учеником во всей Пятой средней школе.

Он не понимал, что именно нашло сегодня на учительницу английского, которая обычно почти не обращала на него внимания, и заставило ее так яростно выплеснуть злость. Но причина по большому счету не имела значения – важно было то, что он нечаянно ее спровоцировал.

По совпадению, она тоже его спровоцировала.

У него и так была куча неприятностей – достаточно того, что вчера пришлось драться с теми уродами, и из-за этой хрени его бонус за стримы оказался под угрозой. А теперь он чувствовал во всем теле такую боль, что мечтал бы год проспать на столе, не вставая. В самый критический момент училка спросила его, почему он не сделал домашку и велела убираться.

Хорошо, он сейчас уйдет, но...

– Учитель, мне плохо, я неважно себя чувствую, – Цинь Чэн поднял руку и похлопал Цзянь Хэна по плечу. – Цзянь Хэн, помоги мне пройти в угол для наказаний.

Услышав это, Цзянь Хэн взглянул на него, и Цинь Чэн удивленно приподнял бровь. Цзянь Хэн ничего не ответил. Он встал и обнял его за плечо, изображая поддержку, пока они выходили из класса.

Учительница английского некоторое время молчала, наверное, от злости. Только когда они вдвоем подошли к двери, она крикнула:

– Цзянь Хэн! Разве я тебе разрешила...

Цзянь Хэн обернулся и посмотрел на нее. На лице Тан Ци снова появилось то самое выражение: «Да он же сейчас вот-вот ножик вытащит!» Учительница молчала, пока две фигуры не скрылись из вида.

– Эх, и чего это на нее сегодня нашло? Раньше она на меня никогда не обращала внимания, – Цзянь Хэн привел Цинь Чэна к двери на крышу.

– Пойдем в кафетерий. Здесь так холодно и мрачно, – Цинь Чэн подумал, что Цзянь Хэн собирается сидеть прямо тут.

– Идем на крышу, – сказал Цзянь Хэн, взявшись за замок и постучав по нему.

Цинь Чэн наклонился в сторону и внезапно слегка развеселился.

- Может нам головой поработать, чтобы туда попасть?

Цзянь Хэн посмотрел на него, наклонив голову, слегка приподнял бровь и изогнул уголок рта.

- Посмотрим.

Цинь Чэн невольно вздохнул и улыбнулся. Когда Цзянь Хэн улыбался, он становился и правда хорош собой – красивый и располагающий к себе парень.

Цинь Чэн проследил за взглядом Цзянь Хэна. Тот достал из кармана кусок проволоки, ловко ее согнул в нужную форму и вставил в замочную скважину. Меньше, чем через минуту, замок со щелчком открылся.

Цинь Чэн был потрясен. Он с недоверием взял замок в руки и несколько раз его осмотрел. В конце концов он пришел к выводу, что сердцевина замка была совершенно не повреждена. Цзянь Хэн и правда умел открывать замки.

Цинь Чэн последовал за ним на крышу, выбрал место почище, чтобы посидеть и оглянуться на Цзянь Хэна.

- Я не могу описать, что чувствую в этот момент.

Цзянь Хэн сел рядом с ним. Одну ногу он вытянул прямо, а другую согнул в расслабленной позе.

- Хочешь встать на колени?

- Почему-то я думаю, что это не то, чему стоит поклоняться, – Цинь Чэн наклонил голову. – Взлом замка и проникновение – это же противозаконно, верно?

Цзянь Хэн повертел проволоку в руке.

- Убери «верно».

- Тогда зачем ты все еще это изучаешь, – Цинь Чэн толкнул его плечом.

- Я нарушил закон? – в глазах Цзянь Хэна мелькнула легкая улыбка, а его глубокий голос не мог скрыть легкость тона.

Сейчас Цзянь Хэн пребывал в хорошем настроении. Цинь Чэн это слышал, хотя и не мог понять, в чем была причина.

- Нет никакого нарушения закона, - настроение Цинь Чэна тоже почему-то улучшилось. Он забрал у Цзянь Хэна изогнутую проволоку и внимательно ее изучил.

- Просто твои навыки школьного тирана немного перепутаны с моими. Такие вещи совсем тебе не подходят.

- А ты не смотри на оценки, - Цзянь Хэн достал из кармана браслет из листьев, покручивая его кончиками пальцев. - Не лучше ли посмотреть на лицо?

Цинь Чэн опустил руку, наклонил голову и внимательно, с очень близкого расстояния посмотрел на его лицо.

Черты Цзянь Хэна были холодными и жесткими, брови - острыми, а глаза... выглядели так, как будто он вот-вот вытащит нож. Рост и фигура... как у маленького негодяя с палкой.

- Ладно, - невольно усмехнулся Цинь Чэн. - Тут и правда есть немного хулиганского.

Для Цинь Чэна дни, когда он мог тихо посидеть с кем-то рядом на улице, просто глядя в небо, были редкостью. Или их вообще не бывало.

Чаще всего он предпочитал поиграть с Тан Ци в игры - чтобы попрактиковаться - или вздремнуть в последнем ряду. В редких случаях его мучила бессонница или головная боль, поэтому он лежал на своем столе в полубессознательном состоянии.

Как долго он не слышал выражения «мирные дни»? С того дня... больше не случалось.

- Цзянь Хэн, - окликнул Цинь Чэн.

- Хм, - отозвался тот.

Солнце утром светило так ярко, и утренний ветерок слегка охлаждал лицо. Это доставляло неопишуемое чувство комфорта. Именно этот комфорт внезапно подтолкнул Цинь Чэна к откровенному разговору.

- Откуда родом твоя семья? Почему ты сюда один переехал? - задавая вопрос, Цинь Чэн не поворачивал головы. Это было личное - Цзянь Хэн имел право ничего не говорить. А пристальный взгляд создал бы впечатление, что Цинь Чэн настойчиво хочет это узнать.

Это было бы невежливо.

Цзянь Хэн и правда ничего не ответил. Цинь Чэн улыбнулся и пихнул его локтем.

- Не переживай, Цинь-гэ - неплохой человек.

- Что на обед? - душевный разговор, начатый в подходящее время и в нужном месте,* был задушен в колыбели.

- Я не хочу, чтобы Тан Ци, у которого бывают такие мысли...

- Из города Чуань, - перебил его Цзянь Хэн спокойным и бесстрастным тоном. - Я поссорился со своей семьей.

- ...А, - он так внезапно признался, что Цинь Чэн не знал, что и сказать. Он-то думал, что Цзянь Хэн его отошлет.

- Почему тебе обязательно нужно получить бонус за полную посещаемость? - Цзянь Хэн повернул голову и серьезно посмотрел на Цинь Чэна.

Цинь Чэн обнаружил, что Цзянь Хэн не только любит менять колу на минеральную воду, но и меняться вопросами.

Автору есть, что сказать.

Автор стоял перед окном и смотрел наружу. Спустя некоторое время он вздохнул:

- День идет за днем, а я так и не знаю, кто кого дразнит...

Примечания анлейтера.

Постоянные читатели китайских новелл должны понимать сон ЦЧ, не так ли? В китайской культуре ношение зеленой шляпы - повод для насмешек из-за ее скрытого смысла. «Носить зеленую шляпу» [戴绿帽] (dài lǜ mào) - выражение, которое китайцы используют, когда жена изменяет своему мужу, потому что эта фраза звучит похоже на слово «рогоносец». По-видимому, оно восходит к династии Юань, когда родственников проституток заставляли носить зеленые шляпы.

神经衰弱 (shén jīng shuāi ruò) – нервный срыв, психическое заболевание, неврастения. Неврастения – плохо определяемое психическое состояние с вялостью, усталостью, головной болью и раздражительностью, связанное главным образом с эмоциональными расстройствами.

多梦 (duō mèng) – видеть сны, много спать, эпические сновидения (о качестве сна). Эпические сновидения определяются как воспоминания о непрекращающихся снах в течение всей ночи, они сопровождаются чувством истощения после пробуждения и усталостью в течение дня. Частые яркие сновидения могут быть связаны со стрессом, приемом лекарств, нарушениями сна или ранней стадией беременности.

天时地利 (tiān shí de lì) – «в хорошую погоду в благоприятном месте». Это часть идиомы 天时地利人和 (tiān shí dì lì rén hé) – буквально «в нужное время, в нужном месте, с нужными людьми».

<http://bllate.org/book/13909/1274098>